

ПЕТРОПОЛЬ

выпуск 3

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Арьев. Возвращение лишнего сына	3
Сергей Довлатов. Лишний. Повесть	5
Иосиф Бродский. Путешествие в Стамбул	33
Л. Н. Гумилев. Посещение Асмодея. Мистическая пьеса	67
Андрей Битов. Битва (из цикла)	87
Виктор Соснора. Море отодвигается	93
Владимир Микушевич. Курево. Райский коридор. Адамов ад	99
Александр Кушнер. Стихотворения	104
Владимир Уфлянд. Один из витков истории питерской культуры	108
Евгений Рейн. Муравьево. Поэма	116
Валерий Попов. Сон, похожий на жизнь	122
Николай Якимчук. Из жизни бичей	131
Арсений Тарковский. О стихах Вениамина Блаженного	133
Вениамин Блаженный. Стихотворения	135
Виктор Топоров. Стихотворения	149
Яков Гордин. Певцы искаженного мира	156
Виктор Липатов. «...На жизнь, на торг, на рынок»	168
Саша Соколов. Палисандрия. Отрывок из романа	178
Александр Хорт. (А. Битов, Д. Гранин, В. Конецкий)	182
Сергей Панов, Николай Шептулин. Троянский конь. Пьеса в стихах	186
Александр Малюгин. Жертва, или Как Парамонов убил петуха	193
Александр Сокуров. О прозе Андрея Черных	199
Андрей Черных. Австрийское поле	200
Михаил Крепс. Пчела. Стихотворения	211

Художник К. Немченко

Редакторы А. Шор, И. Корб

Технический редактор Э. Крахмальник

Сдано в набор 7.12.90. Подписано в печать 17.01.91. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага типогр. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 12.

Тираж 10 000 экз. Заказ 1871. Цена 5 руб.

ПО-3 Ленуприздата. 191104, Ленинград, Литейный пр., 55.

Виктор Соснора

МОРЕ ОТОДВИГАЕТСЯ

1. Черный пёс

Прилежность — залог, и сразу же 2.55 поезд, пошел, справа у окна й. в полоску, пьет из пузатой бутылки (я по губам читаю — коньяк), выпил, вынул газету, головой смотрит, доволен, что один на скамейке, мягкой, вот второй глоток, лицо шафрановое, он еще себя проявит на том свете по движению подземных гор — глазами, сияющими от алкоголизма, так пьют боги гор — озерами из бутылки, серо-пластмассовой. Что люди — кислые слепки с деревьев рода моего.

Гулял под фонарями, и пара юных шла, у него свитер, у нее ноги, они и сливались в одного человека, да и сольются окончательно за душой. Я вчера шел, вдруг бросился вниз (с платформы) черный пёс и пошел рядом. Й. с ножом стоит. — Чего тебе? — На губы показывает. — Целовался? — нет. — Немой? — да нет. — Закурить? — нет, а сам ножом сверкает; не сосцы у пса, не сука, а присоски с передатчиками на пузе.

У моря очки черно-светлые, песок иссечен граблями, следы птичьих... будто бы, что я читаю! — страшные руки. С времен морских китайских самовар выбросило, доисторический, с нейтронной боеголовкой, начинка из изумрудов. Шиповник цветет. Цвети, цвети! Проволоку гнут в песках, смотрю на небо, слепну, это сентябрь, рябина братская, что сказать о воде, по ней шли шары, прохладно-шумящие, лисица вдали, добрый знак, будем ее есть с яблоками, обугленная метелка, выброшенная морем, чайка стоит на камне как летящая, старик на велосипеде, руки держит кругами, на ноге надпись «не забуду МВД», на голове ничего, кожа в швах, — вот и описал старика; пёс сигналил. Дают блины и лимоны, беременных не пускают, с детьми вышвыривают, боевой день 31 авг., еще кубики из куриц берут ящиками — 60 тыс. штук. Это на 60 тыс. дней супик. А потом инвалиды идут на каких-то пружинах, без башмаков. Уже три раза ходил в магазин

и все выбрасывают то то, то се, близость Коммунизма. Это дует буря в бокал, черный пес ходит, не останавливаясь, и я не останавлиюсь, тело худеет от лет, нужно б купить шлейф, чтоб обернуться шесть раз и лечь в гроб на доски. Нужно кроме того не бегать в бешенстве, а идти у моря, читать иероглифы, это связки у Тех со мной., не понимаю, зачем большие буквы писать, идет время, а маленькие сами нанизывают на себя. Дают сморщенные плоды вместо румяных, много сходных элементов, ноги, руки, стук головы, мне не нравятся жители тождеств, я вижу солнце, свое сходство с ним по внешности, на моей могиле ночь не растет, я думаю о себе физическом: два скрещенных треугольника шестиконечной звезды — высшая похвала углу — костяной покойник; солнце закатывается как лобик узкий, и небо такое красно-сине-красное.

2. Башмак Бога

Море отливало, отлив достиг 40 м., ничего не выяснишь в буквах песка, потерял дождик на море, много снотворных ем, голова обволакивается, видел девицу в прозрачном мешке от дождя, да, день сбит. Несколько перышек птичьих, ничего нового: выброшен трехгранник без букв, бревно просверлено, теперь это дула для запуска мини-ракет, камень-валун стоит на другом (камне) на одной точке соленых камней, море отошло, и вот то, что скрывало от Тех, а Те за ночь, запуганные, стали писать перышками, срезать бревна, полировать уголь. С испугу схватили Ж. на шоссе и воткнули головой в дюну, это обросло мохом и иглами, двуствольное. По берегу ходят й. с мешками и пишут на песке, о да, смешно, надписи на фоне Тех, кто космо, вчерашние книги стерты, только молниеносные напоминания, у самовара ручки тоненькие, будто люди делали, но стоит взглянуть на металлический рельеф, — нет, он из иных жаровен, а видимое, что камень, гранит с плутонием — у кромки отлившейся, черт бы ее побрал, воды лежит, полулежа — Башмак Его, чье имя не называют, но зачем терять башмаки, имярек, легко ж восстановить твое человекоподобие: длина подошвы 3 м. 9 см., ширина 1 м., плосковата, высота стопы 2 м. 40 см., не такой уж великан, я помню, как Он саданул меня этим башмаком с высот вниз в кровать, чтоб я лежал на земли, но Он так размахнул ногу, что и башмак рухнул в морскую гладь; завтра еще дни, не слишком ли много символов Он выставил мне под нос, я ведь и так помню, друг мой, из драгоценного духа сделанный, в этом месте моря сочтешься ль ты со мной, или шутишь? когда справа локоть к локтю, с камнями,

с плеском, центр уже сместился, у моря лодку надувают губами, пули кладут под куртку, остыли, сегодня сожжен ч-к, лежит его уголь, тазобедрен. Самовар, брошенный Твоей рукой в меня из космоса лежит, ржавеет, не красят, я пнул, без начинки, не слишком ли интеллектуально? Достоин ли я этих знаков свыше? Мениск моря, зонт черный.

Трехгранник Он держал в руке, на плоскостях вспыхивали три мира, первый — нарисованный, протянутая бумага Галактик, фон; второй — из мыслительных амфибий, желтомутноватый, где живут Те, кто нас начертил и произвел; третий — тут, мы, тутики, здесики. И когда Он повернул наш мир, я сказал: нет, не хочу, лучше из бумаги, со звездочками, но Он отослал сюда, башмак выронил. Я потрогал башмак, твердый, тверже камней (летают, такие мутеррористы). У каждого жука своя струя, иногда Он пальнет ею — и бревно прожжено, вывинчена сердцевина, верх (кожи) обуглен, а из ствола люди летят ввысь, в высоту, как семена, для размножения летят, летят, делегаты.

3. В сауне обед

Море отступает. В 3-ске баня крыта серебром, в сауне парются без веников, глядя на горячие булжники. Над мыльней высоко построен куб, я заглянул с лесенки: этот куб кипит, а табличка «бассейн, использовать после парилки, купаться в головных уборах». Я надел шляпу. — А как же купаться? — спросил я й., держа шляпу в руках. Он ничего не ответил. Я шляпу положил. В бане пьют боржомом, взвешивая себя на железной пластинке. Пишу ночью, сушатся трусы, ночью собирал сыроежки, они пластиночками видны, тучи чередовались с голубым. Шоссе — магнит, шаги магнитные. У моря какие-то чайки новой породы, корма сильно поднята. Никого у моря, укатили камни, прячут валуны, ручеек журчит, как сталь, белые лодки едут, песок пуст, пляж уехал, сыроежки чернильные, плоды шиповника, персиянок нет, нож летит в пространство, если бросить с моря. Двое идут в воду, регион горя, утыканный по лесам свежими грибами, дождь то пойдет, то отойдет, электрички гудят пронзительно, до визга, ворон кричит, застегнувшись: я — буря, я — буря! Признаков нет.

Электрички в квадратах, в них лица едут, головы как в ящиках, я знаю их пофамильно, они демонтировались, встретившись с моим взглядом, теперь они Там. А я по морю, а оно отодвигается за 1 сутки на 20 м., уже рыбы с илом лежат, как в тарелке, кто ест, я избегаю. Плоды шиповника румяны, живописны. Волны как окна, песок в прибрежной во-

дичке лежит как пшеница, на камнях вода появляется и стекает, кто поработал над морем, выгнул его?

Я обедаю в гробнице за сорока столами из лака, официантки носят мне свеклу, директор гробницы в галстук. Звонкоглазый орел летит, посещает меня у моря, вечером пишу свитки, беру с моря горсть песка, рассыпаю на стол, пишу буквы и песчинки, бросаю, море сверху — это ряды тарелок, на них рыба, над ними л(юди). Безлучевой круг с огоньками, одна пустыня накатывает на другую, обе в штрихах, розовые звезды, масса моря стоит. и дождь, недооцененный.

Я быстро лишился своего времени и поступил жить, горло полощу азотной нефтью, море это черепица, ею покрыта земля, мною могут заниматься одни боговеды, я цельноделанный, дорога из черного вещества, а вообще-то Они в сентябре работают вяло, природу в желтое красят плохо, необычайные морские розы в расцвете, чаши широт выпиты, часто мутации головы принимают за величие.

Вышел к морю, как в зал с лампой на весь мир, луна и быстрое-быстрое волнение дорожки (лунной), набросано камней, огоньки городов горят (вдали), камни стоят и лежат вблизи, башмак Бога перевернут, выброшен спутник в виде самовара из железных рулей сделанный, изобретательно, не успокаиваются с красотой морской. Морской зал с луны, с рядами камней, немых. Спутники падали один за другим с железным жужжаньем, откаты воды. Желтеют букеты, солнце в окно ломает мои глаза, бьет во все точки. В бане моются голыми, без тел. Дюны, длинные до неба, а на них боги качаются, как птички. Боже, не боюсь я, серость, материя, неэмпиричен. Глаза выдают неземное происхождение — у меня, лунатики-невротики спят в волнах, лесо-море, в этом году птиц нет, сожгли их, в голове всхлип их. Всю ночь гайки припавали, якорь спустили, рококо из метеоритного металла, на море скользящие блюда, навстречу девка-инженер в плавках, не погода для голости, одна мысль у нее — иди следом, следуй, Их ч-к, электросварщица., стали насыпать живых существ (на меня), электросварщица гаек — копия девки очень удачная, у Тех есть смекалка. Видимо я тоже удачно скроенный экземпляр. Есть у Них и дерзость, утром на всех моих рукавах повязки «конец, конец». Ну что ж, ночь.

4. Отлет с космо-Ж

День у деревьев, качает их, крутит, как трубы, еще впечатления: корни мраморные, деревянные листья сексуальные, ель, ольха, рябина, сосновая частота игл — секс, планеты —

тоже актеры, ядовитые птички, ядовитые кошки,— Юлла,— говорю я,— как ты произошла, если была убита? — Мирра,— говорю я,— садись на камень и взлетай на нем.

Читатель сидит над книгой, как над колесом ртутным. Море в маленьких птичках, зеленая жижа, это Те с небес химию льют шприцами, я окунул палец — зеленый, больше ничего не окуну, глаз работает как рот, за ночь Те построили березу и ивы, склонили их в бухту, спрятали на подмостках моторные лодки со стеклом, осенняя несусветица, на конце каменной гряды стоит й., дугой рыбку ловит, небесный человек., я ему крикнул: й, охранник», а он повернул в мою сторону, из ширинки полоснул. Я б эти лодки взорвал, да дождь мешает, й. на ряде легко снять камнем, но... осень пора сворачивать гайки,— я говорю.

Пора, и идут Ольга, Нини, Эмма, Лемна, Дмила Лю и др., и др. Я говорю им: пора прощаться с телом. Они ложатся, задрав юбки. — Не то,— говорю я,— чисто женское кокетство,— осматриваю их ноги, гены, кудри,— для плодов да, но не для конца. Я говорю: конец книги, пишем последние слоги, не заголяйтесь, вам придется оставить тело со всеми принадлежностями. Не то, ложатся. Я говорю: не для того я вас возвел, чтоб обнародовать. Они: чего тебе? секс? — нет,— эрос? — нет,— порно? — не надо. — Зачем же ты говоришь? — Это смерть,— говорю я,— оставьте тела и навек вон с земли в те трагические просторы строк, где еще вольно. Кате-Рину я застрелил, Ирру сжал на камне и форштевне, долго давил Фаину и Лолочку, лесбиянок, как виноград, Валентинеане я перерезал горло стеклом, а Тайню послал к й., охраннику, он ее проткнул и принес сюда. Потом мы носили трупы в огонь, что разгорался еще ярче. Обуглив женские тела, сделав из них духовное топливо, мы нагрузили космолодки и дали им (лодкам) дышать. Через 14 дней запустим двигатели. Души девок я положил в карман, и только одну Дмилы Лю я оставил себе до отлета. Золото осыплется и полетим.

Нужно найти черного пса, на днях он лаял, его нужно взять и ножом отрезать от мира. Этих Ж. (см. выше) я по-земному отблагодарил и тут остались пробирки с зародышами, земля не обезлюдует, у мини-эмбрионов уже мои черты тела, они надежно спрятаны в плитах мавзолея. Двадцатый век заканчивается моим племенем (пла?), выйдут полки детей из стекла, 20-ый век закончится падением комутантов. Жалобы лежащих существ, камни на берегу расположены так, что об них бьется голова, разбитые головы там и сям. — Вот я тебе разобью голову,— говорю я охраннику. — Зм, говорит он вместо «гм». Я ему бью голову, остаются волосы, я их сворачиваю в платок, остатки развеваю по воздуху,— охранник кто был баба, гермофродит, недоделок, анти-й.?

Но без головы, 16 тел, скоро лететь с этими ню, будет туго, я предвижу еще женщину рыжеокою, вот она и поможет мне сказать «счастливого плавания».

Ни воды, ни дуды, море обложенное камнями, при стекло-видных глазах хождение с сжатым сердцем, время, время быстробегущее, как прыгун, утки, такие толстые, татарские,— взмыв, взмах, едут, сидят как кошки они — ночью, бутафорское бытие. Черный пес бежит в валунах, опаленный, якоря ночью поднимают, в песок воткнул нечто с гайками, это Он бросил жезл, ударился о каменный сапог (свой!) и разбился, одни осколки, песок в сини, Они льют воду с листьев, булыжник величиною с дом и в нем дверь, здесь привозят Ж, бьют головой и засовывают под камень, еще возят, делают им оргазм, а потом сажают в крашеную лодку, везут в море, море выбрасывает ребра. Каждый год ложится одна Ж. в землю, вглубь, и горит на треугольниках огня в плазме, под каждым камнем зарыта Ж., ищи свое счастье, отрой. Спати нужно б. Печаль, бессмысленные меры наказания богов, незажженный свет и нужно дать руку с надписью «да» или «нет». Чистоводное море.